

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ПАРАГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Ж. Багана, Н.Л. Кривчикова

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к проблемам коммуникативно-прагматического анализа высказываний в составе сверхфразовых единств и более крупных дискурсивных построений. Исследованию различных

аспектов функционирования текста посвящены работы А.Н. Баранова, И.Р. Гальперина, Т.М. Дридзе, О.А. Каменской, В.И. Карасика, А.А. Телешева, F. Armengaud, G. Kleiber, D. Maingueneau и др. [1].

Багана Жером – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: baghana@bsu.edu.ru, baghana@yandex.ru, т. 8(4722)301243.

Кривчикова Нэля Леонидовна – аспирант, старший преподаватель той же кафедры, e-mail: krivchikova@bsu.edu.ru.

Baghana Jerome – doctor of philology, professor of the French Language Department of the Belgorod State University, 85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, e-mail: baghana@bsu.edu.ru, baghana@yandex.ru, ph. (007 4722)301243.

Krivchikova Nelia – postgraduate student, assistant professor of the same department, e-mail: krivchikova@bsu.edu.ru.

Коммуникативно-прагматический спектр изучения текста является на сегодняшний день одним из самых актуальных в лингвистике, поскольку позволяет выявить закономерности отбора языковых средств, обусловленных целями и задачами коммуникации.

В связи с этим особый интерес представляет изучение прагматического потенциала текстов официально-делового стиля в таких сферах человеческой деятельности, как законодательство.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что были выявлены и определены закономерности композиционной организации и шрифтового оформления текста французского закона, направленные на реализацию определенных прагматических целей.

Работа вносит определенный вклад в разработку теории специального текста, а также вопросов, касающихся изучения типологии формирования коммуникативно-прагматического потенциала текста.

Поскольку письменный текст воспринимается визуально, то с прагматической точки зрения большое значение приобретают средства построения текстов законов.

Законодательные тексты имеют жесткую структуру. Они подразделяются на книги, разделы, подразделы, которые, в свою очередь, – на параграфы, пункты и подпункты. Н.А. Власенко отмечает: “Сегментация текста, его внешнее графическое подразделение на отрезки-абзацы, выполняет важную функцию в рамках текстовой организации. Для законодательного дискурса данный процесс является особенно значимым, так как членение законодательного текста служит достижению строгой композиционности и зависит от содержания и юридического статуса нормативного документа. Это одновременно объективный (в связи с особенностями содержания) и субъективные процессы (ввиду относительной свободы выбора средства выражения)” [2]. В своих исследованиях В.Н. Дигмай утверждает, что в результате подразделения текста на абзацы образуется внешняя (графическая) структура текста, выполняющая некоторые прагматические функции; их объем, структура и функции приспособлены к аналитическим возможностям читателя [3].

Тексты кодексов подразделяется на различные элементы, которые выстраиваются в традиционную иерархию: *alinéa* (абзац),

section d'article (секция статьи), *article* (статья), *section* (секция), *chapitre* (глава), *titre*, *partie* (часть). Главная функция этих элементов заключается в графическом указании и делимитации норм в структуре текста в соответствии с тематической направленностью. Поддерживая точку зрения А.А. Телешева, исследовавшего французский законодательный дискурс в плане прагматики, признаем, что сегментация законодательного текста решает важную прагматическую задачу: ориентацию адресата в текстовом континиуме и систематизацию законодательной практики путем ассоциации пропозиций, составляющих правовые нормы с точно определенным для них значением – номером соответствующей структурной единицы текста [4].

Обращаясь к исследованиям текстов французских законов, следует отметить, что такой структурный элемент, как *section d'article*, имеет вспомогательное значение, он служит только для структурирования больших по объему статей. Статьи в свою очередь подразделяются на пункты, и как видно из приведенного ниже примера, происходит членение пунктов на подпункты (цифровые – 1°, 2° ... или буквенные – a), b), c), d):

LIVRE TROISIEME

DES CRIMES ET DELITS CONTRE LES BIENS

(Livre créé, L. n° 92-685, 22 juill. 1992, art. unique)

TITRE PREMIER. – DES APPROPRIATIONS FRAUDULEUSES

CHAPITRE I. – DU VOL

Section I. – Du vol simple et des vols aggravés

Article (art.) 311-1. – Le vol est la soustraction frauduleuse de la chose d'autrui (Code pénale) [5].

Пример из Уголовного кодекса Франции подтверждает выделяемые нами закономерности сегментации. Каждая часть сопровождается заглавием и имеет не только номер, но еще и название, которое раскрывает в синтетическом виде ее содержание. Статьи, не имеющие названия в текстах кодексов, могут подразделяться на подпункты.

Читатель обращается, как правило, к кодексу, чтобы найти ответ на конкретный вопрос. Поэтому кодекс построен таким образом, чтобы необходимое положение было легко найти, он поделен на темы, подтемы

и т.д. в порядке уменьшения обобщенности. Следовательно, кодекс – это логически организованный сборник законодательных правил в порядке уменьшения обобщенности идей, соединенных в единое целое общей темой и единым вокабуляром. Эта логика построения кодекса не имеет абсолютного характера, так как она зависит от культуры того или иного общества. Все эти элементы: возможность нахождения положений, их чтение и логика служат одной цели – доступности текста для адресата.

Кодекс Франции строится по логической схеме и с симметричной системой принципов и концепций. Структура кодекса отображает эти принципы и концепции. Она связана с процессом определения и может рассматриваться как языковое явление.

Текст Конституции Франции, который должен быть обязательно понятным, доступным и удобным для восприятия, что предопределено его статусом основного закона, имеет ту же структуру, что и кодекс, но подразделяется только на части и статьи:

TITRE III. LE GOUVERNEMENT

Art. 20. Le gouvernement détermine et conduit la politique de la Nation.

Il dispose de l'administration et de la force armée.

Il est responsable devant le Parlement dans les conditions et suivant les procédures prévues aux articles 49–50 (Constitution française, art. 20) [5].

Конституция не содержит в конце (или в начале) текста общего содержания, как это прослеживается в текстах кодексов, где были названы все основные части закона со страницами, на которых их можно найти, поскольку в отличие от кодексов Конституция не подразделяется на значительные по объему микротексты. Каждая отдельная статья несет в себе определенную завершённую информацию.

Как известно, текст закона характеризуется тем, что он представляет собой письменную форму общения, которая воспринимается визуально. Особенности его графемного оформления относятся к прагматической ситуации текста. Восприятие печатного текста, по мнению Б. Джонса, предусматривает “визуальную грамотность” адресанта и адресата [6]. Эффективность значительного варьирования способов организации письменного текста во многом определяется вторичностью и несущей

ответственностью специфических черт письменной формы сообщения. Многие феномены письменного текста, которые раньше считались периферийными с точки зрения целей и задач языкознания, при детальном рассмотрении оказываются лингвистически значимыми и во многом уточняют представление о функционировании языка и о формах его существования.

К параграфическим средствам относятся прежде всего пунктуационные знаки и использование разных видов шрифта. Пунктуационные знаки “читаются” не так, как слово: они как бы образуют вторичный слой передачи смысла текста, свойственный лишь письменной форме языка. В их вторичности, в менее осознаваемом восприятии по сравнению со словами, и заключается значительный потенциал влияния. В текстах французских законов употребляются все виды пунктуационных знаков, но большее внимание читателя (адресата), на наш взгляд, привлекает шрифтовое оформление, от которого также в определенной мере зависит успешное функционирование законодательного документа.

Наличие иерархических отношений между шрифтовыми вариантами позволяет использовать эти средства для выражения подчиненности статей, текстовой иерархии, для подчеркивания прагматической значимости отдельных языковых элементов. Можно отметить, что в текстах французских законов уживаются и курсив, и полужирный шрифт, и разного размера буквы, что также способствует осознанию значимости документов и пониманию иерархической зависимости, например, статей от подразделов, подразделов от разделов и т.д.

Следует отметить, что разное шрифтовое оформление может использоваться не только в названиях частей закона, а и в самом тексте. Так, например, курсив употребляется прежде всего для выделения отдельных важных с точки зрения адресанта слов или групп словосочетаний – для выделения иноязычных слов. Употребление курсива повышает их прагматический потенциал. Например:

Art. 2207 (*Abr. à compter d'une date qui sera fixée par décret, D. №67-167, 1 mars 1967, art. 23 et 25*). – La discussion du mobilier n'est pas requise avant l'expropriation des immeubles possédés par indivis entre un majeur et un mineur ou «*majeur en tutelle*», si la dette leur est commune, ni dans le cas où les poursuites ont

été commencées contre un majeur, ou avant la tutelle des majeurs (Code civile, art. 2207) [5].

Итак, для французского способа составления законодательных документов существуют определенные закономерности их композиционной организации и шрифтового оформления. Четкое структурированное разделение рассмотренных текстов французских законов на пронумерованные отрезки – статьи, пункты и т.д., а также использование разных видов и типов шрифтов направлено на реализацию прагматических целей. Благодаря этому удобным становится пользование этими документами, облегчается восприятие адресатом содержания законодательных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемки // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 47–115.; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 137 с.; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семосмоципсихологии. М.: Наука, 1984. 268 с.; Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.; Kleiber G. Contexte, interpretation et memoire: Approche standard et cognitive // Langue francaise. 1994. № 103. P. 9–23; Maingueneau D. L'analyse du discours en France aujourd'hui. Français dans le monde. 1996. P. 8–16.
2. Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права: лингво-логич. анализ: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 70 с.
3. Дигмай В.Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста: общее и различное // Филологические науки. 2002. № 2. С. 56–66.
4. Телешев А.А. Лингвопрагматические особенности французского законодательного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 178 с.
5. Constitution (de France). Paris: Dalloz, 2002. 392 p.; Code civile (de France). Paris: Litec, 2006. 559 p. Code pénale (de France). Paris: Litec, 2006. 729 p.
6. Johns B. Visual metaphor: lost and found // Semiotica. 1982. V. 52. № 3–4. P. 291–333.

20 сентября 2008 г.